

Традиционная культура адыгов в историко-героическом эпосе (на материале сказания о князе Шолохе и князе Алиджуко)

Л. А. Гугова

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В статье рассматривается характер отражения традиционного уклада жизни адыгов в XVII–XVIII веках в фольклорных текстах историко-героического эпоса. В качестве основного источника сведений использован сюжет сказания о князе Шолохе и князе Алиджуко. Здесь обстоятельно представляется картина взаимоотношений между князьями, принципы и общепринятые правила выбора верховного князя, наделение его соответствующей властью (включая его роль в судах *мехкеме* и *хаса*). Исследуется комплекс обычаев, связанных с кровной мстостью, гостеприимством, этикетные императивы, а также затрагивается тема традиционных методов врачевания. В ходе исследования акцентировалось внимание на соответствии фольклорных нарративов сведениям, представленным в достоверных источниках. Для этого привлекался не только вариант сказания историко-героического эпоса, но и материалы, имеющие отношение к традиционной культуре адыгов, ранее опубликованные в печатных изданиях и в сети интернет.

Ключевые слова: мехкеме, хаса, Шолох, Алиджуко, уорк-дворянин, хашеш, пхешаса

Поступила 05.10.2022, одобрена после рецензирования 12.10.2022, принята к публикации 14.10.2022

Для цитирования. Гугова Л. А. Традиционная культура адыгов в историко-героическом эпосе (на материале сказания о князе Шолохе и князе Алиджуко) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 5 (109). С. 196–202. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-5-109-196-202

Original article

Traditional culture of the Adyghes (Circassians) in the historical and heroic epic (on the material of the legend about Prince Sholokh and Prince Alidzhuko)

L.A. Gutova

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Annotation. The article discusses the nature of the reflection of the traditional way of life of the Circassians in the XVII-XVIII centuries in the folklore texts of the historical and heroic epic. The plot of the legend about Prince Sholokh and Prince Alidzhuko was used as the main source of information. Here, a picture of the relationship between the princes is presented in detail, the principles and generally accepted rules for choosing the supreme prince, empowering him with the appropriate authorities (including his role in the *mehkeme* and *khasa* courts). The complex of customs associated with blood feud, hospitality, etiquette imperatives is explored, and the topic of traditional methods of healing is also touched upon. In the course of the study, attention was focused on the correspondence

of folklore narratives with information presented in reliable sources. For this, not only a variant of the legend of the historical and heroic epic was involved, but also materials related to the traditional culture of the Adyghes, previously published in print media and on the Internet.

Key words: mehkeme, khasa, Sholokh, Alidzhuko, work nobleman, hashesh, pheshasa

Submitted 05.10.2022,

approved after reviewing 12.10.2022,

accepted for publication 14.10.2022

For citation. Gutova L.A. Traditional culture of the Adyghes (Circassians) in the historical and heroic epic (on the material of the legend about Prince Sholokh and Prince Alidzhuko). *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS.* 2022. No. 5 (109). Pp. 196–202. DOI: 10.35330/1991-6639-2022-5-109-196-202

Историко-героический эпос опирается как на основной источник мотивов и сюжетов на события, которые реально происходили в далекие исторически определенные времена. Следовательно, в нем сочетается целый комплекс сведений: от истории народа, обычаев и порядков вплоть до элементов традиционного уклада жизни адыгов. Вполне допустимо, что в преданиях историко-героического характера, которые являются фольклорным жанром, могут быть как полностью вымышленные персонажи, так и частично адаптированные фольклорным сознанием события и герои. В представленной статье мы постарались проанализировать уклад жизни адыгов XVII–XVIII веков на материале сказания о князе Шолохе и князе Алиджуко в сравнении с ранее зафиксированными обычаями и традициями в этнографических и исторических трудах, а также в материалах из интернета.

Прежде чем приступить к анализу в указанном направлении, считаем важным провести экспресс-анализ сказания, которое дошло до нас в контаминации нескольких элементарных сюжетов, что характерно для многих нарративных жанров фольклора. Можно выделить несколько элементарных сюжетов в составе всего сказания. Так, резонно отметить как относительно автономную часть повествование о том, как Шолох стал верховным князем Кабарды, разделенной на удельные княжества. С ним органично связывается сюжетная линия о возникших противоречиях между жителями Большой и Малой Кабарды якобы из-за недобросовестного принципа правления верховного князя. Далее следует линия возвышения князя Алиджуко, который в данном сказании выступает только как противник Шолоха. Между тем его прототип, исторический князь Алигуко Шогенуко, последовательно вел борьбу за объединение всех удельных княжеств под одной властью единого верховного князя, и он действительно организовал в свое время поход на Малую Кабарду, но не для оспаривания власти князя-уалия, а для объединения раздробленного края в подобие централизованного государства. Другую самостоятельную линию образует история противостояния князей Мудара Хафы и Карашая, сына Шолоха, что историческими сведениями не подтверждается. Говоря о героях сказания, следует заметить, что упоминаемый в самом начале текста князь Бесланей (исторический Беслан Тучный) и центральные герои сказания – Шолох, его сын Карашай, Алиджуко, Мудар Хафа – имеют прототипов в реальной истории так же, как и некоторые персонажи песенного текста. Однако не все они жили в одно время и не всегда вступали в описываемые противоречия. Историческая правда в сказании переплетается с вымыслом.

Так, например, на образ Алиджуко оказал влияние сказочный персонаж с этим же именем – типичный герой-богатырь, скрывающийся под видом неказистого (здесь – коростливого или «гнидоголового») плешивца. Близким исторической правде уместно признать роль реальной личности Шолоха Тепсеруковича в появлении разновидности легендарной кабардинской породы лошадей под названием шолоховская; скорее всего, появление ее – результат селекционной работы, успешно завершенной во времена этого князя.

Историческим событиям, близким к упоминаемым и аккумулированным фольклором событиям, посвящены циклы о Куркужинской битве и о так называемом Малокабардинском ночном нападении.

Так, на основе комплекса сюжетов одного сказания мы строим наше исследование, опираясь в большей степени на традиционную культуру и уклад жизни адыгов, отраженный в данном повествовании и, как упоминалось ранее, зафиксированный в ранних и современных историко-этнографических трудах адыгских ученых.

В частности, в сказании запечатлен такой судебный орган, как *мехкеме*, состоявший из 12 человек: *уалия*, двух-трех князей и восьми-девяти *уорков*, а также секретаря и мусульманского священника-*кадия*. Согласно повествованию, недовольные правлением князя Шолоха, в основном притесняемые в своих правах жители Большой Кабарды, собрали тайное *мехкеме* и *хасу*, где решили свергнуть несправедливого правителя. Он (суд) на основе норм шариата рассматривал все дела за исключением споров между князьями и уорками [1, с. 130–131]. Далее следует отметить и отраженную в повествовании важность *хасы*. Это был совет старейшин из аристократического слоя общества. Согласно исследованиям Х.М. Думанова, в нартском эпосе *хаса* характеризуется как совет, где решались важнейшие дела нартов. На *хасу*, т.е. совет, приглашали обычно взрослых мужчин, но иногда вызывали и молодежь [2, с. 156]. Считаю уместным привести здесь структуру органа, которую достаточно подробно представил другой адыгский ученый-этнограф Г. Х. Мамбетов: «*Хасы* были трехпалатным законодательным органом Кабарды. Трехпалатный состав кабардинских *хас* отмечали П. С. Потемкин (1784), Г. Ю. Клапорт (1807–1808) и выдающийся адыгский просветитель-историк Ш. Б. Ногмов. *Хасы* собирал верховный князь Кабарды по мере надобности. На них обсуждались важнейшие политические и экономические вопросы, затрагивающие интересы всей Кабарды...» [1, с. 124].

Согласно исследованию ученого, трехступенчатость этого органа определялась по следующим параметрам: первая инстанция – это князья, которые обдумывали свои решения по тем или иным вопросам и выносили свои предложения на суд *уорков*-дворян, дворяне же представляли заключение князей и *уорков* народу. Таким образом выстраивалась посвоему демократическая сословная цепочка функционирования органа, в котором были задействованы чуть ли не все слои населения. За последними, а именно за народом, закреплялось окончательное утверждение решения. Нередки были случаи, когда *хасы* и *мехкеме* не приходили к общему мнению, но в случае, описанном в предании, оба органа были солидарны относительно свержения князя Шолоха. Вместо него инициаторами акции представлялась кандидатура князя Алиджуко. Однако Алиджуко был плешив, страдал водяной, не получил должного воспитания, так как из-за физических недугов считался непригодным для княжения. Князь, в особенности верховный, должен был служить для подданных примером во всем, в том числе своим внешним видом, знаниями, мужеством, сноровкой, красноречием, дипломатическими способностями. Для этого его сначала обучили всем нормам и правилам адыгского этикета. А для лечения его недуга пригласили дагестанского лекаря (приглашение врачевателя или кудесника из другой земли – один из распространенных в мировом фольклоре художественных приемов идеализации). Здесь считаю уместным более подробно сказать о врачевальном искусстве кавказских целителей и их традиционных методах лечения. Так, Ф. Ф. Торнау писал о медицине горцев: «Надо отдать справедливость искусству, с которым горские лекари вылечивают самые опасные раны. Ампутации у них нет в употреблении, и мне не раз случалось видеть кости, срошенные после того, как они были раздроблены картечью»¹.

¹ Материал из сети интернет. Казиев Шапи Магомедович. Горская медицина // Document: wikireading. Ru

В предании также повествуется о методе излечения князя Алиджуко от плешивости и водянки. Лечение князя имело два этапа: первый – при помощи шкуры животного, второй – соли в смеси с травами. Приведем отрывок из текста для представления наиболее полной картины описываемого действия: «Лекарь пошел к табуну кобылиц, выбрал одну двухлетку откормленную и велел ее зарезать и снять шкуру. Потом велел князю Алиджуко раздеться догола, обмыл его теплым раствором каменной соли и завернул его в свежую лошадиную шкуру. Завернул он его в лошадиную шкуру от ног до головы и с обеих сторон крепко перевязал. Он только сделал отверстия для глаз и для носа, чтобы можно было дышать, и затем уложил на жарком солнце; и вот так стал он подсушивать его на солнце. По мере того, как шкура ссыхалась, князя Алиджуко сжимало, и он кричал: «Умираю!». Так, надрезая всякий раз шкуру в том месте, где сильнее всего болело, лекарь выгнал из тела Алиджуко всю до последней сукровицу, что была в его теле» [4].

Это сведение из текста предания, то есть эстетически организованного текста, где реальность преломляется в художественном воображении. Об использовании в лечении шкуры животного горскими лекарями в реальной практике писал и унтер-офицер Апшеронского пехотного полка С. Рябов. Оказавшись в плену у горцев, он вспоминал, как вылечили его раненую ногу. Мы не будем передавать все подробности лечения, но важно то, что после своеобразной операции ногу завернули в сырую теплую баранью овчину и, забинтовав ее натуго, оставили в таком положении на три дня. Нога быстро отекала как бревно, но спустя сутки отек начал проходить, а к концу третьих суток совсем спал [3]. Этот пример является наглядным подтверждением того, что на Кавказе активно практиковалось лечение при помощи шкуры животного и даже было признанным надежным средством для сращивания костей, до того как благодаря великому Н. И. Пирогову получило распространение при огнестрельных ранениях, переломах и вывихах.

Возвращаясь к лечению князя Алиджуко, отметим, что после того как шкура животного выполнила свою функцию, лекарь вновь обмыл тело больного теплым раствором каменной соли. Об очистительных свойствах соли известно достаточно давно. Она выполняет целый спектр лечебных задач и отвечает за обновление клеток, разжижает кровь и лимфу, способствует образованию красных кровяных телец, оказывает антибактериальное и антиоксидантное воздействие². На сегодняшний день соль также применяется как нетрадиционное средство лечения гнойных нарывов, фурункулов, ожогов.

Будет интересным привести пример лечения по методу современного врача Болотова. Так, на литр кипяченной воды приходится три столовые ложки соли без верха. Мы получим 9% солевой раствор, в который на минуту опускается марля в 7-8 слоев, затем она накладывается на больное место. Этим раствором не раз вылечивались ожоги 3-4 степени, а также гнойные раны. Очищались и затягивались даже самые сложные нагноения, исчезало воспаление³.

Отсюда видно, насколько тесно переплетаются методы нетрадиционной медицины прошлых веков с современными приемами лечения и насколько такой, казалось бы, примитивный способ врачевания солью может оказать положительное влияние на организм.

В результате такого лечения князь Алиджуко избавляется от хронического заболевания, обретает облик, достойный того, чтобы претендовать на высокий титул. Князь, тем более верховный, должен был соответствовать своему статусу по всем параметрам – как интеллектуальным, так и физическим, и это было одним из важных условий.

² Материал из сети интернет // poleznii-site.ru

³ Материал из сети интернет // Life journal

Внешность горца в немалой мере определялась его костюмом, и это органично сочетается с распространенным суждением, что представители высшего сословия не очень заботились о своем внешнем виде. Как можно полагать, за этим видимым безразличием к своему одеянию кроется более глубинная забота о внешнем виде, поскольку и самая скромная одежда не скрывала, а даже подчеркивала истинный статус владельца. Вот как детально описал Г. Х. Мамбетов костюм горца: «Мужская одежда не только была хорошо приспособлена к местным условиям, но и отличалась своей красотой, изяществом и своеобразной элегантностью. Она вполне соответствовала представлению горцев о красоте мужской фигуры, подчеркивала широкие плечи и тонкую талию, стройность и подтянутость, ловкость и силу» [1, с. 94]. Здесь же целесообразно упомянуть и о такой детали, как корсет, при помощи которого выпрямляли грудь и спину, утончали талию. Причем утонченная талия ценилась как признак красоты и стройности не только у девушек, но и у мужчин. В частности, если верить преданию, князю Алиджуко тоже пришлось носить такой корсет с деревянными дощечками – *куэнышбэ пхэзццэсэ* (букв.: деревянные дощечки корсета). Таким образом, молодого князя кропотливо и серьезно готовили к принятию статуса верховного князя Кабарды.

Поскольку в предании сюжет контаминированный, уместно будет перейти на другую сюжетообразующую линию – князей Мудара Хафы (один из малокабардинских князей, по историческим сведениям, принадлежал роду Талостанов) и Карашая (сына Шолоха). Мудар Хафа, к которому прижился Шолох Могучий, после кончины Шолоха стал враждовать с его сыном Карашаем. Карашай был общительным, благородным и красноречивым человеком, за что люди его любили. Это пробудило в старом князе большие опасения: «Он так всех моих людей на свою сторону перетянет и меня моего княжения лишит», – встревожился он и задумал дурное против Карашая. Однажды, возвращаясь с *зеко* (похода), Карашай неожиданно упал с коня и сломал себе руку. Мудар Хафа прослышал о том, что тому руку перевязали и устраивают ему *шотшако* (ритуальное действо, устраиваемое в помещении, где лежит больной или раненый). «Под этим предлогом я навещу его, выманю из дому и велю его убить», – решил он. С таким дурным умыслом взял с собой своего табунщика Нагоя (ногайца), меткого стрелка, и направился к Карашаю. Карашай, ничего не подозревая, принимает высокого гостя в соответствии с правилами гостеприимства. Следует отметить, что гостеприимство адыгов иногда оборачивалось для них же самих трагедией. О таких инцидентах пишет С. Х. Мафедзев, писатель и известный этнограф: «Приняв согласно этикету гостей, проявив по отношению к ним все уважение и почтение, зачастую они (как гости-чужестранцы, так и местные) шли против своих *бысымов* (хозяин, принимающий гостя) и всего народа, преступив через хлеб-соль и обрекая многих на несчастья, даже на погибель. Такие факты сохранила история, в которой упоминаются зарубежные и русские псевдогости, шпионившие за адыгами, а также находившиеся в междоусобице князя и уорки» [7, с. 277]. Ученый приводит в пример трагедию, случившуюся с верным сподвижником русского царя Петра Великого Александром Бековичем-Черкасским, возглавлявшим хивинскую экспедицию. Среднеазиатский хан хитростью заманил к себе посланца русского царя, назвав его дорогим гостем. Так как адыги придавали сакральное значение такому обращению, очарованный ханскими словами «дорогой гость» Александр Бекович не заподозрил никакого коварного умысла и позволил расквартировать своих казаков по разным местам. Тем временем на улочках Хивы гостей ошпаривали кипятком и забивали камнями, самого же Черкасского зарезали, из головы и снятой с него кожи сделали пугало и выставили на базарной площади [7, с. 277]. Адыги, принимая гостя в своем *хащеш* (гостиная комната, которая выстраивалась как отдельное

строение), оказывали все почести согласно адыгскому этикету, забивали в честь гостя жертвенное животное (*хьэщIэныш*), выполняли все пожелания гостя для его комфортного пребывания и предоставляли защиту от преследователей, иногда даже ценой собственной жизни. Целесообразно отметить, что у адыгов был древний обычай, связанный с гостеприимством – *хьэщIэгъэкIуэтэж* – ритуальное сопровождение гостя до определенного места – чем дальше проводы, тем больше почтение к гостю. Х. М. Думанов по данному поводу пишет: «...Когда гость уезжал, то по обычаю хозяин должен был садиться на лошадь и сопровождать его до первого встречного населенного пункта. Только тогда он имел право возвращаться обратно» [2, с. 166].

Так и герой предания Карашай, поверив в искренность гостя, оказывает полагающиеся почести Мудару Хафе и в знак уважения провожает его как почетного гостя, пока они не оказываются вдалеке от дома.

Однако, когда Карашай разворачивается, чтобы вернуться, Мудар Хафа отдает приказ сопровождающему его ногойцу убить Карашая. Таким образом, в сказании раскрываются и случаи коварного поведения со стороны гостя. Естественно, что Карашай не остается неотмщенным. Обычай кровной мести (*льыщIэж*) функционировал на территории Кабарды вплоть до становления советской власти, а это приблизительно 20-е годы 20 века.

«Если кто-то умышленно или случайно убил человека, то его родственники подлежали к мести со стороны родственников потерпевшего» [Думанов, с. 90]. Убийство не оставалось неотмщенным. Как пишет Г. Х. Мамбетов, «по обычаю, только кровь за кровь могла удовлетворить обиженную сторону. Только вдовы и беззащитные люди жаловались на обидчиков, а все остальные сами добивались возмещения нанесенного ущерба путем непосредственного мщения» [1, с. 143].

Карашай, не имевший на тот момент потомства, способного отомстить за него, был отмщен его сестрой и вдовой, которые попросили об этом своего подданного, тоже ногойца, как и оруженосец Мудара Хафы, и расправились с коварным убийцей. Согласно исследованию Г. Х. Мамбетова, женщина не обязана была принимать непосредственное участие в самой акции кровной мести, но нередко она играла довольно активную роль в межродовых столкновениях. У кабардинцев и балкарцев, как и у многих других народов, писал М. О. Косвен, «женщины оказываются самыми деятельными подстрекательницами к мести» [1, 146].

Подводя итог нашим наблюдениям, мы можем с полным основанием признать, что в адыгском историко-героическом сказании этнографические детали отражены с довольно высоким уровнем достоверности. Такие атрибуты традиционной культуры, как гостеприимство, кровная месть, процедура выдвижения и избрания верховного князя, субординация между представителями разных ступеней социальной градации общества, даже традиционные способы врачевания передаются в сказании с высокой степенью достоверности. В то же время сам сюжет предания, в частности, основной конфликт и сюжетные ходы (иначе говоря – элементарные сюжеты), мобилизуемые для формирования повествования в целом, в большей части являются результатом неосознанно художественного творчества, плодами воображения, но никак не формой передачи исторически достоверных сведений. Соответствует ему и обращение с центральными героями: нет никаких достоверных сведений о том, что их реальные прототипы – князь Шолох Тепсерукович, его сын Карашай, князь Алиджуко, князь Мудар Хафа – состояли именно в таких отношениях друг с другом, как это утверждается в предании. Более того, не все они жили в одно и то же историческое время, а поэтому и встречаться не могли. Подобные смещения во времени и смешения достоверных фактов с вымыслом есть не что иное, как характерная особенность художественного повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 256 с.
2. Думэн Хь. М. Адыгэхэм я дауэдапшэхэр. Этнографие терминхэм я псалъальэ // Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Налшык: Эль-Фа, 2006. 212 с.
3. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 20 р, паспорт 16. Исп. Сабанчиев Иссуф. Дата и место зап.: не указ. Зап. Сабанчиев И.
4. Мафедзев С. Х. Адыги, обычаи, традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 359 с.

Информация об авторе

Гутова Ляна Адамовна, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. сектора адыгского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН; 360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18; adam.gut@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

REFERENCES

1. Mambetov G.H. *Tradicionnaya kul`tura kabardincev i balkarcev* [Traditional culture of Kabardians and Balkars]. Nalchik: Elbrus, 1994. 256 p. (In Russian)
2. Dumen H.M. *Adygehem ya daue`dapshheher. Etnografie terminhem ya psalale // Kratkij slovar` etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Brief dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-Fa, 2006. 212 p. (In Kabardin and in Russian)
3. Archive of Institute of Humanitarian Researches of KBSC of RAS. *Papka 20 r, passport 16* [file 20 r, passport 16]. *Isp. Sabanchiev Isuf. Data i mesto zap.: ne ukaz. Zap. Sabanchiev I.* (In Kabardian)
4. Mafedzev S.H. *Adygi, obychai, tradicii.* [Adyghes, customs and traditions]. Nalchik: El-Fa, 2000. 359 p. (In Russian)

Information about the author

Gutova Lyana Adamovna, candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Sector of the Adyghe Folklore, Institute for Humanitarian Researches – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street; adam.gut@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>